

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2018»
XIII Халықаралық ғылыми конференциясы

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

XIII Международная научная конференция
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2018»

The XIII International Scientific Conference
for Students and Young Scientists
«SCIENCE AND EDUCATION - 2018»

12th April 2018, Astana

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2018»
атты XIII Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XIII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2018»**

**PROCEEDINGS
of the XIII International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2018»**

2018 жыл 12 сәуір

Астана

УДК 378

ББК 74.58

Ғ 96

Ғ 96

«Ғылым және білім – 2018» атты студенттер мен жас ғалымдардың XIII Халықаралық ғылыми конференциясы = XIII Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2018» = The XIII International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2018». – Астана: <http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/>, 2018. – 7513 стр. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-997-6

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 378

ББК 74.58

ISBN 978-9965-31-997-6

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2018

**ОСОБОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ
КАЗАХСТАНА И ФРАНЦИИ**

Батырбеков Бексултан Серикович

Wexinvoker@gmail.com

Магистрант кафедры гражданского и экологического права ЕНУ им. Л.Н.Гумилева,
Астана, Казахстан

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Э.Б. Омарова

Аннотация: В статье рассмотрены взгляды различных авторов по признакам особого производства. Помимо этого приводится нормативно-правовая основа регулирования особого производства гражданских дел. Автором выявлены основные проблемы защиты в гражданском процессе по делам особого производства в Республике Казахстан, и, предложены пути их решения.

Ключевые слова: особое производство, судебная защита, гражданский процесс, юридический факт

В содержании гражданского процессуального права проблемам института особого производства уделяют достаточно много внимания, однако высказанные мнения о предмете судебной защиты в таких делах можно считать дискуссионными. В более поздних исследованиях обосновывается точка зрения о присутствии дуализма предмета судебной защиты в делах особого производства. Основу данной точки зрения составляет деление дел особого производства на определенные виды, представленные:

а) делами, по которым судом устанавливается тот или иной юридический факт, и тем самым суд способствует заявителям в приобретении субъективных прав, которыми охраняются их законные интересы;

б) делами о подтверждении присутствия или отсутствия у заявителей неоспариваемых субъективных прав. Здесь стоит отметить, что дела об установлении факта владения строением на праве собственности и о признании имущества бесхозным исследователи причисляют ко второму типу дел особого производства. Таким образом, можно прийти к выводу, что выше указанный подход, по сути, далеко не так различен с позицией Р.Е. Гукасяна, как это могло показаться с первого взгляда. Наоборот, между ними не только присутствует известная связь, но второе может быть даже названо простой модификацией первого. Таковыми являются основные взгляды на предмет судебной защиты в делах особого производства [1, с. 68].

Отсюда следует, что можно утверждать о присутствии двойного подхода в науке к определению предмета судебной защиты в делах особого производства: широкого и узкого. Ученые, которые придерживаются широкого подхода к определению предмета судебной защиты в делах особого производства, пришли к выводу, что закон относит к числу дел, которые возбуждают в защиту «законного интереса», всю совокупность дел особого производства (данные утверждения содержатся в исследованиях К.С. Юдельсона, Н.Б. Зейдера, Д.М. Чечота). Другой подход характеризуется тем, что предмет судебной защиты в делах особого производства рассматривают применительно к отдельным категориям гражданских дел (в исследованиях Р.Е.Гукасяна), когда предмет судебной защиты (субъективное материальное право или законный интерес) определяют применительно к разрешению конкретной категории дела.

Общепринято считать, что основным, универсальным и самодостаточным признаком особого производства является отсутствие спора о праве. Этот признак позволяет провести четкое разделение между спорной и бесспорной формой защиты права.

Составляющей данного признака является то, что бесспорная форма относится к судебным формам защиты права. Н.Б. Зейдер удачно охарактеризовал этот признак как спор

о праве в широком смысле, подразумевая под ним спорность как права, так и интереса. К сожалению, Н.Б. Зейдер не расшифровал понятия спорности интереса. Из его высказывания угадывается только, что спор о праве можно понимать в узком смысле (непосредственно, как спор о праве), так и в широком (как спор о праве и об интересе). Однако, на наш взгляд, Н.Б. Зейдер неверно определил соотношение рассматриваемых понятий. Автор полагает, что они нуждаются в более детальной разработке, поскольку именно в них коренится различие искового и особого производства [2, с. 15].

Как отмечает З.Х. Баймолдина, «предметом судебного разбирательства по делам особого производства являются юридические факты: суд разрешает вопрос о наличии или отсутствии юридических фактов. Отсюда, говоря о том, что в особом производстве суд не разрешает спор о праве, нельзя одновременно подразумевать бесспорность фактов, подлежащих судебному рассмотрению и разрешению. До исследования и оценки доказательств по делу, выяснения обстоятельств дела и вынесения решения суда по делу вопрос о существовании юридических фактов не является бесспорным. В противном случае мы должны констатировать бесцельность судебной деятельности по рассмотрению дел особого производства» [3, с. 175].

Правовая мысль человека еще на ранних этапах своего развития выделяла отдельную категорию притязаний истца, не отвечающую общим требованиям, предъявляемым к иску, но, тем не менее, имеющую с ним ряд схожих черт. Например, в римском праве цель преюдициальных исков - исключительно констатация факта без дальнейшей его защиты. По всей видимости, особое производство логически выделилось из исков о признании в самостоятельный вид, но, тем не менее, сохранило производный от них характер. Различные страны по-разному определяли место подобных исков в своей правовой системе (от полного неприятия до чрезмерно широкого и даже казуального определения понятия). Можно констатировать, что советское, а затем уже казахстанское законодательство наиболее верно подметили неисковой характер данных дел и обособили их в отдельную группу, логически состыкованную с системой ГПК. Другие правовые системы, в лучшем случае, не выделяют дела данной категории из прочих исковых споров, а в худшем, просто не относят их к судебной подведомственности. На это обстоятельство было указывает В.В. Хан: «вообще нельзя найти критерий разграничения между исковым и охранительным судопроизводством, поэтому разрешение вопроса о том, что отнести к исковому, и что к охранительному судопроизводству зависит от усмотрения законодателя и решается соображениями целесообразности и практического удобства» [4, с. 129].

В.Н. Аргунов отмечает другой исторический аспект дел особого производства. Он пишет, что «история дел особого производства - это история перераспределения компетенции между судом и другими государственными органами, когда по тем или иным причинам становится невозможным или затруднительным установление указанных выше обстоятельств иными государственными структурами, это передается суду» [5, с. 22]. Таким образом, законодатель отдельной страны сам определяет, что считать «особым». В это понятие он вкладывает самостоятельный смысл, причем, подразумевая, как правило, особый предмет судебного рассмотрения, а не особый порядок судопроизводства, характеризующийся отсутствием спора о праве. Вследствие этого нарушается логика закона и к категории «особого» относятся все дела со специальным предметом или со специальной процедурой рассмотрения, которые отличны от других. Поэтому отнесение дел к особому производству в других странах происходит стихийно, без каких-либо четких критериев, по принципу, что не исковое - то особое.

Необходимо отметить, что особое производство тесно связано с остальными видами гражданского судопроизводства, основано на общих принципах гражданского процесса, которые определяют порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел. Кроме того, дела особого производства проходят те же самые стадии, что и остальные гражданские дела. В частности, это относится и к принципам гражданского процесса.

Так, в производстве в целом при рассмотрении дел особого производства действуют принципы осуществления правосудия только судом, независимости судей, гласности и т. д. В стадии судебного разбирательства действуют принципы устности, непрерывности и непосредственности судебного разбирательства.

Судебное разбирательство дела в особом производстве состоит из тех же частей, что и исковое. Судебное доказывание подчинено тем же правилам, как и исковое. Вместе с тем в связи с отсутствием сторон и спора о праве в этом виде производства действие принципа состязательности проявляется в меньшей степени, нежели в исковом.

В связи с отсутствием в подобных делах стороны (т. е. истца), лицо, обратившееся в суд с заявлением, именуется заявителем. Возбуждение в суде дел особого производства происходит не предъявлением иска в отношении конкретного ответчика и подачи искового заявления, а подачей заявления с просьбой подтвердить то или иное обстоятельство, имеющее юридическое значение, либо подтвердить бесспорное право.

К числу заявителей могут быть отнесены лица, которые наделены правом на обращение в суд. Например, в ст. 323 ГПК РК право на обращение в суд с заявлением о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным предоставлено членам семьи, близким родственникам (родителям, детям, братьям, сестрам) независимо от совместного с ним проживания, органам опеки и попечительства, психиатрическому и психоневрологическому учреждению [6].

В качестве заявителей в суде могут также выступать различные группы граждан и организации в зависимости от конкретной категории дел особого производства. Такое процессуальное положение в основном занимают граждане и организации, чьи права и интересы непосредственно затрагиваются решением по делу.

Статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «обеспечивает гражданину область для свободного развития и реализации его или ее индивидуальности» [7]. При рассмотрении дел принудительной госпитализации граждан в психиатрический стационар зачастую рассматривается не только спор о праве гражданском на свободу, на личную неприкосновенность, на справедливое судебное разбирательство и на уважение частной и семейной жизни, но и с наличием лиц с противоположными юридическими интересами [8, с. 16]. Поэтому, как мы считаем, данную категорию дел необходимо исключить из перечня дел, рассматриваемых в порядке особого производства.

Иначе чем советскими традициями, пережившими свое время, нельзя назвать рассмотрение дел в процедуре особого производства о принудительной госпитализации граждан в психиатрический стационар (п. 7 ст. 304 ГПК РК). Наследство тоталитарного прошлого, времен активного использования карательной психиатрии для борьбы с инакомыслием оставило нам свою процедуру, где дело, якобы возбужденное в защиту интересов гражданина, превращало его из субъекта в объект права, которое было лишено не только права быть выслушанным, но и права обжалования судебного акта.

Тот факт, что казахстанский законодатель предусмотрел возможность рассмотрения вопроса о признании материалов экстремистскими, в том числе, при производстве гражданского дела, отнюдь не означает возможность рассмотрения вопроса о признании материалов экстремистскими без рассмотрения вопроса об ответственности лица, распространяющего такие материалы. Это тем более верно, потому что признание материалов экстремистскими - есть мера, защищающая публичный интерес, а не частно-правовой и ее применение не возможно без применения гарантий, предоставляемых законом при привлечении к публично-правовой ответственности, таких как презумпция невиновности и др.

Признание материалов экстремистскими является одновременно запретом для их изготовления и распространения, ограничением свободы мысли и свободы распространения информации, а также основанием для конфискации таких материалов. То есть, является вмешательством в права и свободы, защищаемые Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Причем необходимо обратить внимание на то, что такое вмешательство

предполагает наличие субъекта в чьи права осуществляется вмешательство, субъекта, чьи права и свободы защищаются охранительным конвенционным правоотношением.

В тоже время, в особом производстве не предусмотрено возможности осуществления процесса при наличии лиц с противоположными интересами. В некоторых делах можно увидеть, как с целью обойти данную проблему в процессе о признании материалов экстремистскими, прокуратура, а вслед за ней и суд делают, что в данной процедуре ограничивается возможность распространения экстремистских материалов, а не ограничиваются права и свободы граждан. Следуя этой ошибочной, по-нашему мнению, логике, суды приходят к выводу, что объектом судебного процесса являются материалы, а наличие субъектов – заинтересованных лиц в процессе является ненужным [7].

Однако, признание материалов экстремистскими является одновременно запретом для их изготовления и распространения, ограничением субъективного права физических и юридических лиц. Причем проблема заключается в том, что за использованием термина «информационные материалы» теряется фактическое осуждение идей какого-то конкретного лица – автора и лиц, заинтересованных в распространении идей этого автора. На самом деле, признание материалов экстремистскими – это всегда признание экстремистскими идей конкретного человека, хотя автора, оспариваемых материалов иногда трудно персонифицировать.

Поэтому подход к признанию информационных материалов экстремистскими лишь, как к исследованию объекта, есть ничто иное, как отрицание правосубъектности заинтересованного лица, которое фактически в случае применения такого подхода заочно обвиняется в экстремизме, что, конечно же, является вмешательством в его права и свободы.

Соответственно, рассмотрение вопроса об ограничении свободы мысли и свободы распространения информации, не может осуществляться в процедуре особого производства. Таким образом, на процедуру рассмотрения данного спора полностью распространяются гарантии, даваемые ст. 6, 13 Конвенции и ст. 13, 75, 76 Конституции РК [7], ст. 13 ГПК РК, которые включают в себя состязательность процесса и равенства в процессе.

Нарушение данных гарантий справедливого правосудия является безусловным основанием для признания судебного решения нарушающим ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

На наш взгляд, судебная практика должна соответствовать принципам разумности и быть логичной. Логика особого производства вполне очевидна и согласно данной логики в процедуре особого производства нельзя рассматривать такие дела, как о признании информационных материалов экстремистскими.

Признание информационных материалов экстремистскими это фактически спор с идеями, у которых всегда есть автор, соответственно, рассмотрение такого рода дел без привлечения всех заинтересованных лиц недопустимо.

Более того, существование такого рода гражданских дел вызывает серьезные сомнения, поскольку фактически в рамках гражданского судопроизводства добываются доказательства совершения публичных правонарушений, за которые установлена административная и уголовная ответственность.

Список использованных источников:

1. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. – М.: Проспект, 2009. – 478 с.
2. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс: учебник – М.: Госюриздат, 1956. – 439 с.
3. Баймолдина З. Х. Гражданское процессуальное право Республики Казахстан: в двух томах. Том 2: учебник. – Алматы: КазГЮА, 2001. – 428 с.
4. Хан В.В. Уголовный процесс Англии и США: досудебное производство: учебное пособие. - Астана, 2012. – 178с.

5. Аргунов В. Н. Специальные виды производства по защите нарушенного права и охраняемого законом интереса // Юридический мир. - 2008. - Апрель. - С.22.

6. Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.12.2017 г.)

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека, ETS № 005) (Рим, 4 ноября 1950 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.05.1994 г.)

8. Чудиновская Н.А. Установление фактов, имеющих юридическое значение в особом производстве гражданского и арбитражного процесса. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2007. - С.16.

УДК 349.2

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Болотбекова Нурчолпон

Студентка 2 курса юридического факультета

ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – к.ю.н., доцент Омарова Э.Б.

С развитием глобализации, а также по причине демографических процессов, развития новых технологий, разработки новых источников сырья, энергоносителей, развития сопутствующих индустрий и инфраструктур все интенсивнее продолжается движение и перераспределение труда и капитала между странами. Это означает, что объемы трудовой миграции будут возрастать, поэтому государственное регулирование проблемы, возникающие в сфере трудовой миграции, требуют незамедлительного рассмотрения. При этом вопросы социальной защиты наемных работников требуют решения на законодательном уровне как отдельных государств, так и региональных государственных объединений. Причем эти вопросы должны решаться на основе трипартизма с обязательным участием социальных партнеров в лице профсоюзов, работодателей и государства.

Вследствие ускоренного роста объемов международной трудовой миграции в Республике Казахстан (далее – РК) уполномоченные государственные органы не всегда успевают с мерами правового регулирования, информационным сопровождением, экономическими и социальными программами адаптации и интеграции, которые могли бы сделать трудовую миграцию более эффективной для стран назначения и исхода. Это относится практически ко всем вопросам: доступа к рынку труда, поиска работы, информирования о правилах найма в республике, проживания. Реализация трудовых и социальных прав – на образование, повышение квалификации, медицинское обслуживание, участие в профсоюзах и общественных объединениях – по всем этим вопросам Казахстан демонстрирует приверженность соблюдению норм действующего законодательства.

Одной из приоритетных задач миграционной политики является обеспечение законности и прав человека в сфере трудовой миграции, поскольку серьезным вызовом для интересов государств является усиление процессов нелегальной трудовой миграции.

Проблемы, связанные с законодательным регулированием процесса привлечения и использования в Казахстане иностранной рабочей силы в настоящее время особенно актуальны. В общем объеме иммиграционных потоков большой удельный вес занимает миграция иностранной рабочей силы в РК. Основным законом, регулирующим общественные отношения в области миграции населения и определяющим правовые, экономические и социальные основы миграционных процессов в РК является Закон «О миграции населения» от 22 июля 2011 года [1].